

Андрей НИКОЛАЕВ (г.Радужный Владимирская обл.) **ТРЕТИЙ ГЛАЗ**

Первичная партийная ячейка Черемушкинского района в полном составе заседала в доме культуры оптоволоконного завода. Выбирали трех представителей на общепартийный съезд в Москву.

За полчаса определили двух делегатов — их лица светились довольством среди мрачного большинства однопартийцев.

— Третья кандидатура, я думаю, не вызовет затруднений, — изрек председатель осмотрев зал поверх спущенных на кончик носа очков. — На съезде молодежь нужна, так что выбор здесь прост и очевиден. Предлагаю Толоконникова, — председатель выдержал небольшую паузу. — Прошу проголосовать.

Лица большинства еще более омрачились, но все же кандидатуру одобрили.

Через минуту ячейка стала расходиться. На выходе из зала Толоконникова поджидал Шапкин, один из старых партийцев, стоявший у истоков движения.

— Поздравляю! — искренне воскликнул он и крепко пожал сияющему Толоконникову руку. — Пойдем в «Фиалку», отметим твое продвижение.

Кафе, куда направились однопартийцы, располагалось в соседнем здании. Вход в кафе был частично перекрыт строительными лесами — производили покраску наружной стены, но кафе работало и единомышленникам в сгорбленном виде удалось проникнуть в помещение. За пустующим столиком плечи были расправлены, и горделивая осанка стала подчеркивать важность появившихся на фоне хохломской росписи фигур.

Через полминуты к столику подошел официант. Черные брюки с белой сорочкой, соединенные со строго-приветливой улыбкой, безошибочно угадывали его намерения.

— Водочки бутылку, два горшочка и салатик побыстрее, — деловито перечислил Шапкин свои предпочтения. — Ты, Витя, будешь еще что-нибудь?

— Минералки бы.

— Так, еще бутылку минералки.

Сделав очередную пометку в бланке заказа, официант вставил ручку в карман и ушел на кухню.

— Был здесь раньше? — спросил спутника Шапкин.

— Нет, в первый раз.

— Жаркое здесь хорошо готовят — мясо, картошечка, все как положено.

Толоконников утвердительно кивнул головой.

— Ты, наверное, одними пельменями, да лапшой питаешься? — спросил его Шапкин.

— Бывает иногда.

— Бабу тебе, Витя, надо, одному тяжело тебе.

— Успеется еще.

— Это все правильно, да в анкете твоей семейного положения никакого, а это многое значит.

Принесли водку, минеральную воду и овощную нарезку.

— Ладно, это дело наживное. Давай лучше за твой успех выпьем, — сквозь вынужденную паузу произнес Шапкин и разлил водку по стопкам.

Однопартийцы выпили и закусили. Через десять минут появилось жаркое и следующие два тоста были кулинарного содержания.

— Давай по делу, — произнес Шапкин после третьей стопки. — Ты вот в Москву едешь.

Вроде как тебя из наших отобрали. А почему? — спросил Шапкин. — А потому, что ты самый молодой оказался. Сколько тебе лет?

— Двадцать пять.

— Вот видишь! Да разве в этом дело. Возьми нашего председателя, почему он выдвинут? А потому что голова у него варит. Соображает, где и как, и что сказать можно, а что нельзя. И еще, дорогой мой Витя, чутье надо иметь. Вот возьми Наполеона. Если бы струсил он на Аркольском мосту, не прислушался к внутреннему зову, кем бы он стал?.. А никем.

Шапкин поднял стопку водки и быстро выпил ее без тоста. Толоконников последовал его примеру.

— Развивать тебе надо это чутье. Работать, Витя, над этим надо, понял ли?

Толоконников кивнул и, не поднимая головы, продолжил есть жаркое. Через минуту его взгляд скопился на левую сторону. Пока единомышленники обсуждали текущие дела, зал наполнился посетителями, часть из которых была девушками на выданье. Шапкин уловил движение глаз Толоконникова и лукаво улыбнулся.

— А вот и невесты! — воскликнул он, потирая ладони.

Девушки, в сторону которых была отправлена реплика, с любопытством посмотрели на партийцев. Обои было около двадцати. Одна была крашеная блондинка, другая — крашеная брюнетка. Толоконникову понравилась блондинка и, одобренный возгласом старшего товарища, он пригласил ее на танец. Под вялый срывающийся голос поющего под караоке парня Виктор кружил свою партнершу по залу...

Утром он с трудом поднял голову с подушки. Осмотревшись, он понял, что лежит в своей

квартире, и это немного успокоило. Голова саднила, и Виктор решил посмотреть на себя в зеркало. Синяков и царапин не было, и это еще более успокоило мучавшую его тревогу. Вскоре к головной боли прибавилась жажда. Пройдя на кухню, Толоконников сделал несколько глотков из стоящего на столе чайника. Утолив жажду, он обратил внимание на лежащую на столе записку. В записке рваным почерком был указан номер телефона, разобрать который не получалось, под номером стояло имя: «Оля».

Силясь вспомнить детали вчерашнего вечера, Виктор вернулся в постель и предался раздумьям.

Попытка вспомнить облик новой знакомой не увенчалась успехом, и Толоконников брезгливо поморщился. Вдруг перед его внутренним взором предстал Шапкин, и лицо молодого человека приобрело серьезное выражение. С Шапкиным обсуждалось что-то важное, но что? Толоконников силился вспомнить и сосредоточенно смотрел в потолок. Наконец на его лице появилась решимость. Быстро встав, он подошел к книжному шкафу. Тщательно перебрав содержимое полка, он наткнулся на лупу. Через несколько мгновений он был уже на кухне, стирая пыль с увеличительного стекла вафельным полотенцем. Приблизившись к окну, Виктор навел лупу на лоб и стал ждать. Солнце светило ярко. Вскоре кожу над переносицей защипало, затем появилась острая, четко очерченная боль. Запахло жареным. Толоконников отбросил лупу в сторону и подошел к зеркалу. На лбу появилась аккуратная красноватая точка. Удовлетворенный увиденным, Толоконников вернулся в постель и моментально заснул. До съезда оставались сутки.